

Глава 109. Принять ученика

— И ты тоже хорош. Остальные внешние ученики давно ушли помогать, а ты один ленишься, так ещё и меня попросили тебя отвести... — по дороге бормотал Фу Нин.

— Простите. Я доставил вам хлопоты.

Цзян Тан тут же поспешно извинился; голос у него был искренний, вид смиренный, так что Фу Нин уже не нашёлся, в чём бы ещё его упрекнуть.

Павильон Цанхай и был тем самым роскошным зданием, которое Цзян Тан приметил раньше: крыша из золотой глазурованной черепицы, многослойные карнизы, а на вершине — два феникса, словно готовые в любой миг взмыть в небо. Теперь внутрь и наружу сновали ученики в повседневной одежде рода Фу.

Фу Нин небрежно втолкнул Цзян Тана в толпу, хлопнул в ладоши, огляделся и начал распоряжаться:

— Там тоже как следует приберите. И здесь ещё. Поживее, господин Юйань вот-вот придёт.

— Да!

Цзян Тан, стоявший столбом, выглядел слишком заметно, и он поспешил нырнуть в толпу. Делая то же, что и остальные, он быстро слился с прочими учениками. Он не знал, что именно должно было произойти в павильоне Цанхай, но стоило услышать, что сюда явится господин Юйань, как сердце ухнуло вниз.

Ведь сейчас на нём была одежда Фу Линцзюня. Обычным глазом, как ни смотри, отличить её от одежды остальных учеников было трудно — но вдруг всё-таки можно? А что, если Фу Линцзюнь решит, что он вор, укравший чужую одежду? Нет, попадаться ему на глаза было никак нельзя!

— А зачем... зачем господин Юйань... придёт? — тихо спросил он ученика рядом.

Заикание, к счастью, уже стало заметно слабее, чем раньше.

— А? Ты даже этого не знаешь? — ученик сперва смотрел на него с явным раздражением, но, повернув голову и встретившись взглядом с красивым, чистым и до смешного невинным лицом Цзян Тана, а затем заметив явно великоватую одежду на нём, уже успел мысленно дорисовать целую драму о том, как бедного красивого внешнего ученика притесняют и обижают. Неожиданно проникшись сочувствием, он поджал губы и ответил: — Род давно хотел, чтобы господин Юйань выбрал одного выдающегося внутреннего ученика и лично занялся его обучением. Недавно господин Юйань вернулся из одного из восьми пределов и сказал, что всё

состоится сегодня.

— Это же редчайшая удача! Если господин Юйань выберет тебя, дальше перед тобой откроется прямой путь вверх!

— Только нам, внешним ученикам, до этого всё равно далеко... Ладно, давай лучше убирайся тут. Скоро все внутренние ученики соберутся, и господин Юйань тоже придёт. Если будем шевелиться быстрее, господин Нин наверняка раздаст нам какие-нибудь пилюли для совершенствования. Говорят, они куда лучше, чем пилюли сбора ци, которые внешним ученикам выдают раз в месяц!

Этот внешний ученик оказался очень добросердечным и выложил Цзян Тану всё, что знал.

Цзян Тан несколько раз его поблагодарил, а потом и сам принялся работать ещё проворнее. Хотя, по правде говоря, он не думал, что даже в мире зеркальных цветов и луны в воде его талант к совершенствованию вдруг станет сильнее, так что особой нужды в пилюлях у него всё равно не было.

Выходит, сегодня в павильоне Цанхай такая суматоха из-за того, что Фу Линцзюнь собирается принять ученика.

Цзян Тан подумал, что эта возможность, пожалуй, не так уж хороша, как все воображают. Кто бы мог представить, что почитаемый всеми господин Юйань совершенно не умеет учить людей? Он знал очень много и обладал высочайшим уровнем совершенствования исключительно потому, что мозги у него работали блестяще, а природные данные были до возмутительного небесными. И это не имело ни малейшего отношения к тому, что его ученики непременно станут выдающимися.

Цзян Тан, которому довелось на собственной шкуре пройти через «интенсивную программу» Фу Линцзюня по рунам и массивам, в этом вопросе имел полное право высказываться.

От того кошмара зубрёжки у него до сих пор остались последствия: стоило только вспомнить те толстенные книги с рунами и плотные ряды символов на каждой странице, как его тут же передёргивало.

Очень скоро ученики вылизали павильон Цанхай до безупречной чистоты.

И действительно, как говорил тот ученик, Фу Нин раздал по пузырьку пилюль каждому, кто пришёл помогать. Один пузырёк достался и Цзян Тану. Он уже собирался после всего этого выйти вместе с новым знакомым и как следует расспросить его о других делах в Гуанлине или хотя бы о важных событиях на нынешней линии времени.

Но Фу Нин, отпустив часть учеников, другую часть неожиданно оставил.

Цзян Тан тоже оказался среди оставшихся.

— Сейчас вы вместе со служанками подадите чай, угощение и духовные плоды. Как закончите, отойдёте в углы по сторонам зала и будете ждать дальнейших распоряжений. Понятно?

У всех оставленных учеников тут же загорелись глаза, и они радостно ответили:

— Понятно!

Фу Нин был щедр и, зовя людей помогать, никогда не отпускал их с пустыми руками, так что внешние ученики охотно брались за его поручения.

Кроме Цзян Тана.

Под завистливыми взглядами новообретённого знакомого он с кислым видом поплёлся за всеми в зал готовиться.

Внутренние ученики уже начали один за другим собираться. Кто-то молча переглядывался, кто-то из знакомых перебрасывался несколькими тихими словами, а потом все снова принимали почтительный и сдержанный вид.

Сам Цзян Тан вместе со служанками расставлял на столе в главном зале павильона Цанхай чай, закуски и духовные плоды — именно перед тем местом, где вскоре должен был сесть господин Юйань.

Вообще-то принятие ученика господином Юйанем считалось самым важным событием в Гуанлине за последние годы. Старейшины рода, управляющие и даже Фу Юэбай хотели тщательно проверить способности кандидатов по всем статьям, а потом выбрать самого выдающегося. Но господин Юйань был слишком занят, часто отсутствовал в клане, а когда возвращался, не желал никого утруждать. Поэтому всё упростили до предела: никого не отбирали долго и нудно, а просто собрали всех в одном месте.

Цзян Тан всерьёз подозревал, что Фу Линцзюнь попросту ленится и собирается выбрать того, кто ему на вид приглянется. В конце концов, времени и сил по-настоящему учить ученика у него всё равно вряд ли было.

По уговору, господин Юйань должен был прийти только после того, как соберутся все внутренние ученики. Но не успел Цзян Тан вместе со служанками закончить приготовления, как господин Юйань уже появился.

Двери распахнулись, и человек, шагнувший внутрь против света, оказался залит мягким золотистым сиянием.

Волосы Фу Линцзюня были собраны и скреплены полупрозрачной нефритовой короной бледно-лазурного цвета; ни одна прядь не выбивалась, всё было гладко зачёсано назад. На плечах у него лежал плащ цвета пурпурных яблоневых цветов, а под ним — светлое белое одеяние благородного кроя. На ходу густой фиолетовый и чистый белый сталкивались в ослепительно ярком контрасте, из-за чего он казался ещё более знатным и внушительным, чем обычно в простой белой одежде.

Цзян Тан на мгновение засмотрелся, а потом тут же опомнился и опустил голову, стараясь скрыться за чужими спинами.

Да что ж это такое, почему большому боссу идёт любой цвет! У-у-у, чуть не погорел из-за красивого лица. И сегодня великий даос тоже был воплощением сдержанной, благородной красоты — шкала прогресса спасения красавца снова рванула вверх.

Фу Линцзюнь шёл быстро. В несколько шагов он пересёк расступившуюся толпу, приблизился, скользнул взглядом по служанкам и внешним ученикам, склонившимся в приветствии, и в конце концов остановил взгляд на старшей служанке.

— Спасибо за труд. Можете идти, — мягко сказал он.

Отступая вместе со всеми, Цзян Тан невольно подумал: неудивительно, что стоило кому-то заговорить о господине Юйане, как в голосе не оставалось и тени непочтительности. С одной стороны — абсолютная сила, с другой — человек, который даже на таком высоком положении всё равно остаётся мягким и вежливым.

Он старался ничем не выдать себя и двигался в точности так же, как остальные. Только он не знал, что взгляд Фу Линцзюня ещё несколько секунд задерживался на его спине.

С широких, развевающихся пол одежд он медленно поднялся к неброской веточке в волосах, а затем Фу Линцзюнь бесстрастно отвёл глаза.

Вместе со служанками и остальными внешними учениками Цзян Тан отступил в угол у дверей. По обеим сторонам зала стояли длинные ширмы, расписанные тушью: горы и реки тянулись одна за другой, полностью заслоняя тех, кто стоял позади.

Лишь тогда Цзян Тан смог перевести дух.

— Фух... — ему правда казалось, что ещё немного — и у него начнётся кислородное голодание. Давление от большого босса было сильным и раньше, но по какой-то необъяснимой причине он никогда его не ощущал всерьёз. А теперь, испытав на себе вблизи версию великого праведника, у него едва не начались подгибаться колени — уходя, он даже чуть не наступил себе на полы.

— Как думаете, кого выберет господин Юйань? — из-за того, что они стояли в углу, далеко от центра зала, рядом то и дело доносились тихие перешёптывания.

— Я думаю, Фу Аня, — сказал кто-то. — У него не только талант к совершенствованию, но, говорят, он ещё и в Дао медицины силён. Второго такого в Гуанлине не сыщешь!

— А я думаю, Фу Ляна.

— А я думаю...

Ученики принялись беззлбно гадать. Между тем в главном зале Фу Линцзюнь, похоже, вовсе не собирался проверять уровень совершенствования учеников. Вместо этого он щёлкнул пальцами, и с кончиков его пальцев сорвалось золотисто-алое пламя феникса. Оно взмыло в воздух и медленно поплыло к стоявшим в зале внутренним ученикам.

Приблизившись, это изначальное духовное пламя тут же подняло волнение в исконном пламени прямых потомков рода Фу. Не прошло и минуты, как на лицах учеников проступило напряжение, на лбах выступила мелкая испарина, а сами они начали дрожать — явно едва выдерживая давление, исходившее от мощи таланта Фу Линцзюня.

Из всех присутствующих только двое ещё держались прямо и сохраняли невозмутимый вид.

Похоже, пламя сочло их занятыми и задержалось рядом. Но и этого не хватило надолго: очень скоро даже те двое, что ещё держались, тоже начали заметно дрожать.

Такой отклик быстро наскучил духовному пламени. Оно лениво поплыло обратно мимо учеников, но вдруг, словно что-то почувствовав, вспыхнуло ещё ярче, вытянуло за собой длинный хвост и молнией рвануло за ряд изящных ширм с тушевой росписью.

Давление, под которым изнемогали внутренние ученики, постепенно рассеялось, и они тоже невольно устали в ту сторону, куда умчалось пламя.

— Эй? Изначальное духовное пламя летит сюда!

— Разве оно ещё не выбирало среди внутренних учеников?

— Ох, мне нехорошо...

— Мне тоже...

Давление родовой крови и врождённого дара не давало стоящим рядом даже толком устоять на

месте. А тот сгусток фениксова пламени нёсся так быстро, что, пронзив бесчисленные ряды людей, внезапно завис в воздухе и в следующее мгновение мягко, с какой-то тягучей лаской, опустился Цзян Тану на плечо.

И доверчиво потёрся щекой о его щёку.

Гордые, знатные, талантливые внутренние ученики: ?

Служанки и внешние ученики вокруг, увидевшие всё своими глазами: ??

Цзян Тан, о лицо которого внезапно потёрся какой-то сгусток пламени и который тут же понял, что сейчас на него наверняка обратит внимание Фу Линцзюнь: ???

Что за чёрт?! Разве не должно было проверяться, кто из талантливых внутренних учеников рода Фу в Гуанлине лучший? Он ведь даже не Фу! Он просто вор, который стащил одежду, не успел сбежать и был пойман на чёрной работе! Почему изначальное духовное пламя вообще прилетело именно к нему?!

— Ты... ты не... не липни ко мне... — Цзян Тан машинально смахнул пламя с плеча, потом ещё раз. Золотисто-алый феникс отлетел чуть в сторону, а потом жалобно уселся ему на кончик пальца. Маленький клювик ткнул раз, другой, затем скользнул с пальца на тыльную сторону ладони.

Это было не больно — только тёплая щекочущая дрожь, медленно расползавшаяся от места касания по всему телу.

Цзян Тан резко отдёргнул руку.

Что это за пламя такое, почему оно ведёт себя так же бесстыдно, как сам Фу Линцзюнь!

Что происходило за ширмой, никто не видел, зато мягкий и сладкий голос юноши все расслышали отчётливо.

— Голос приятный, — с предельной серьёзностью оценил кто-то из внутренних учеников. — Только, похоже, заикается: ему даже говорить тяжело.

Окружающие тут же покосились на него. Да при чём тут приятный голос и заикание! Важнее было то, что господин Юйань своим изначальным духовным пламенем не выбрал никого из толпы выдающихся внутренних учеников — а указал на какого-то внешнего ученика, непонятно откуда взявшегося здесь подавать чай и убираться!

Ухо Фу Линцзюня едва заметно дрогнуло.

На лице, до этого почти бесстрастном, наконец появилась едва заметная трещина. В глазах поднялась сложная волна чувств. Он поднялся с места и длинными шагами направился к ширме.

<http://bllate.org/book/17032/1722632>